

Международная Академия Наук
International Academy of Sciences

*Центра Ноосферной Защиты
Centre Noospheric of Defence*

Сергей Кутолин

*НИЩЕТА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
ИЛИ ТЕЛО ВЛАСТИ III*
(Опыт рефлексии комплекса бытия)



Новосибирск, 2013

МАГИЯ РЕФЛЕКСИИ

Всякое искусство есть сознательная или бессознательная деятельность, т.е. рефлексия, которая в триединстве психологии, гносеологии и логики является в форме меры интеллекта как носителя искусства и лежит только в области Ноосферы, т.е. есть «живая сущность Мира». И геосфера, и биосфера лишены осознания искусства, хотя и геосфера, и биосфера являются «окаменелой конструкцией парадигмы золотого сечения».

Магия Рефлексии есть форма извлечения Духа Бытия в предметы Мира Труда, где физическая деятельность магии рефлексии овеществляется и посредством фантазии, и путём воображения превращается в предметы искусства, в которых реализована парадигма золотого сечения Мира в инвариантном исполнении, где Мир инвариантен самому себе, но не тождественен и именно этим искусство отличается от обыкновенных текущих предметов бытия Ноосферы, которые являют собой антураж удобства существования Ноосферы, оказываясь мерой сравнительной философии эпох и цивилизаций, трансформируясь во временных циклах истории, где в принципе являют собой - антиквариат. В результате Магии Рефлексии произведения искусства единичны, а произведения антиквариата тиражируемы (как предметы мастера Буля или Гамбса).

Произведения искусства опознаются из дыхания в дыхание как Дух Бытия Мира и потому непосредственны в своём восприятии, как, например, «Один день Ивана Денисовича», - первый плевок в Мир, имевшего места Бытия, в то время как последующие «плевки» этого автора уже опосредственны и не представляют никакого интереса для литературы, как искусства, поскольку этот вид искусства, наиболее соревнователен и здесь уже есть «Погружение во тьму» О.Волкова. Мир искусства Гоголя единичен, как и Мир Толстого, хотя у второго есть предшественник, например, в «Воине и Мире», - это Денис Давыдов, и куски книги Давыдова стоят почти целиком в этой книге Толстого, а у Гоголя есть «последователь в искусстве», который миром магии рефлексии перевел образы Гоголя в образы «Мастера и Маргариты», - это пример нового искусства – магии рефлексии.

"Рефлексивная литература" достигает свыше 1.000 000 заходов:

http://world.lib.ru/editors/k/kutolin_s/stat.shtml ; <http://lib.rus.ec/a/27491>

НИЦЕТА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ИЛИ ТЕЛО ВЛАСТИ III

**"Homo proponit, sed Deus disponit "-
"Человек предполагает, Бог располагает ".**

СЕКТОР КРУГА I. СНЕГОСРАМ

Тов. Зиновьеву: "Не помните ли фамилию Кобы? Привет,
Ульянов". (3 августа 1915).

Что делать бедному студенту, когда недавно, совсем недавно откушал в тэмиитовской столовой, а у тебя бури и газы в животе так и ходят, словно ветры глухой осенью, что делать бедному студенту, когда у всей страны глаза не осушаются, да и у тебя они, если и не на мокром месте, то нет, нет, да и слюной помажешь, поскольку вся страна в трауре, всюду портреты этого человека, а близкие твои друзья запускают глаза в твои очи, желая по несомненной братской любви удостовериться, искренне ли влагой свои глаза орошаешь.

Клим Ефремов был студент спокойный и согласный во всех отношениях с политикой Партии и Правительства и дорогого товарища Сталина, во всяком случае нигде и никогда даже в беседах с друзьями, всеобщим пожиранием съестных припасов, присылаемых кому - либо из студентов их комнаты, как - то требовал твердый завет неписаных законов студенческого общежития, а так же скромными полу азартными играми в очко, когда на кону стояли жалкие рубли от студенческой стипендии, даже тогда, когда по общежитию пронесся слух, что какой - то олух царя небесного из влюбленных студентов повесился (такое тоже бывало в те далёкие времена), а они в силу закона игротеки продолжали играть, даже тогда не было у Клим и в мыслях заниматься обсуждением каких либо политических вопросов, кроме тех, что разбирались на семинарах и лекциях этого почтенного учреждения именуемого Политехнический Институт им. Сергея Мироновича Кирова, этого вели-

кого борца за дело пролетариата, который ещё совсем юным совместно с булочниками в 1905г устраивал забастовку в цитадели беспокойного Российского студенчества г. Томска..

Клим всегда имел веру спокойного духа дружеских сил человечества в те политические и иные гарантии, о которых говорили как местные, так и центральные газеты даже и тогда, когда по улицам г. Томска вели многочисленные толпы арестованных предателей Родины, которые уже во всём сознались и которым только и предстояло ещё получить какую – то малость – 8 - 9 гр. свинца в затылок, но которых по своей гуманности под конвоем по улицам их родного города вели к последнему месту упокоения. А родственники, если им удавалось высмотреть хоть кого – то из своих близких, не кричали, не умывались проголосно слезами, а сплёвывали белыми, полусухими слюнями в серую придорожную пыль.

Так что глас вопиющих в пустыне был тих и не слышен окружающим. Все гнули спину, гнули в дугу друг друга и что не говори, всюду слышалось только усталое отречение от живых да тщетное стремление крошечной жизни найти громадное обещание быть полезным дорогому и любимому товарищу Сталину. И здесь уже голова кругом шла, поскольку пока была ещё на плечах, а потому, хоть головой о стенку бейся, а предмет «История ВКП (б)» сдай на отлично. И в этой бесценной звёздописи мирового масштаба пролетариата, выбивающего дурь из головы, ужимистые преподаватели, спадая с голоса, толмачили о долгах, прокатанной катками умыслов интеллигенции, о долгах интеллигенции перед простым народом, у которого всё взято и которому ничего не отдано. Большие идеи товарища Сталина распространялись уже на одну треть суши планеты Земля, а всё ещё вокруг бушевало пламя искрописи врагов народа, недовольных гигантской поступью людей труда. А потому наблюдатели свой зрак вывертывали: куда ветер буржуазии дует, посылая многих из тех, кого к этой категории относили, куда ворон костей не заносил, или куда Макар телят не гонял, или куда хватает глаз, где идеалы охраняет тифозная вошь. И всё это делалось на одном партийном дыхании, на народном волеизъявлении под тонкий проголосный крик выступающего, а он, словно приставив нож к горлу голосил, голосил, городя околесицу, стирая грани между городом и деревней, между колхозником и рабочим, грань,

которая почему – то совсем не стиралась, а только создавала тоску в черепае всякого, убивая первородную силу ума.

Эта первородная сила ума, еще согревающая тело Клима, поскольку молчаливость и самоустранимость от дел текущей агитации в стране у него не была изначально вышиблена в силу его молчаливости, принимаемой окружающими за послушность и исполнительность хотя к такому раскладу его ничего и не подвигало и не вызывало преднамеренной скрытности, играла ему на руку, - он не брал греха на душу, не становился комсомольцем – добровольцем, не забегал вперед начальников, сгибая шапку и, славословя им, а своим поведением и покладистости со сверстниками бы признан даже не уклоняющимся от общественной работы, а, просто, малым пассивным, увлекающимся в свободное время охотой, рыбалкой да фотографией. Перебивался он с гроша на копейку, поскольку из дома ему присылали мало, да и присылать – то было совсем не из чего. А поскольку волю языку он не давал, а голову заполнял чтением художественной общедоступной литературой и стихами, то местные начальники от комсомола и профсоюзов факультета его оставили, давая жить по своему усмотрению.

И было марта самое начало, сугробов просинь и общий траур, креп лент повсюду в жёлтом пенье птиц. И где – то на собраниях страсть голого ума величия потери Вождя, потери, подсушенной утюгом колоссального труда, отделившего его от безвестного Кобы до дорогого учителя товарища Сталина, генералиссимуса, отца народов.

А в Лагерном Саду на берегу Томи всё было просто, чисто и открыто. Скамейки, занесённые снегом сияющим, свежим, почти теплым и душистым от стоящей уже, где – то по близости Весны, которая бормотала свои мысли, не умея соображать молча. Казалось, что ночь текущего времени ушла навсегда, а воздух тихо скрёбся в ветвях сосен Лагерного сада и на берегу ещё застывшей Томи, давая волю сердцу, давая жар воображению, давая, казалось, сто очков вперед тем замыслам студенческой души, которая еще не стала ликом личности тела, но просыпалась, давая ход мысли о том, что власть все равно жить задаром не даст

Фотоаппарат «Agfa» не бездействовал, вбирал в себя впечатления молодого сердца. Ибо фотография это настрой духа, души самой природы и человека, а не пустая бессмыслица текущего време-

ни. Ему даже казалось, что в воздухе этого мартовского утра явились не только изображения скамеек, теней, чудесной грусти бесконечного утра, которое начинается и уже никогда не кончится в этих золотистых лучах солнца, прозрачной ткани воздуха, в котором соны давали волю языку сердца. Из воздуха возник Человек. Он не удалялся и не приближался. Он всматривался в Клим, будто у него была своя тягость на душе. Странная внешность его напоминала внешность средневекового алхимика.

-Вы, откуда, отец взялись?

А я никогда и не исчезал, - ответил с несколько исчезающим акцентом по-русски. – Это ты в безвыходном небе существуешь, а вот испарится тучная теплота и выяснится, что о тебе уже люди огромной тьмы захотят позаботиться.. □ А что – то не пойму, что значат ваши слова. И почему вы как в воздухе, словно висите?? □ Мне всяко можно быть. – отвечал старик. Да ты не смотри на меня, я ведь и тобой могу стать.

И в тоже мгновение увидел Клим, что вместо старика он как бы сам с собой разговаривает. И одежда на нём такая же, как и на нём, Климе. Но, вдруг всё исчезло. Растворилось в облаке мгновения. И перед ним возникли вполне обыкновенные даже как – то, казалось, пылью дернутые люди. А один из них согнутым крючковатым пальцем манил его к себе, предлагая пройти в ни весть, откуда стоявший в стороне автомобиль, даже не автомобиль, а просто небезызвестный «чёрный воронок», в котором перевозят арестованных..

-Иди, иди сюда, - говорил один из них. Давай-ка твой аппарат. А! Иностранной марки. А вот посмотрим, какие ты тут фотографии делал в день объявленного траура по Иосифу Виссарионовичу Сталину!

И оказался Клим в одиночной камере, где только лампочка горела. А больше никого не было. Окно было так высоко, что лампочка освещала за окном только огромную тьму. И там, за стеной оставался дорогой сердцу каждого иной Мир. Мир Пролетарской силы, Мир Социализма и Равенства всех трудящихся. Клим помаялся, помаялся и, надыхавшись испарениями плохо закрытой параша, уснул, терзаясь неизвестностью и глупостью, в которой он очутился. А на улице день закончился снегосрамом.

СЕКТОР КРУГА II .Урок ИСТМАТА

Тов. Уншлихту:

"Гласность ревтрибуналов (уже) не обязательна. Состав их усилить Вашими людьми, усилить их всяческую связь с ВЧК, усилить быстроту и силу их репрессий. Поговорите со Сталиным, покажите ему это письмо" (Ульянов ,31 января 1922).

Движенье спящих яблок глаз, движенье век, подёргивание кончиков пальцев, печаль и черное место безысходности и, с одной стороны, отсутствие прохода в вязкую темноту души и не дающая спуску остановка сердца, а с другой, диву не поддающийся блеск цветного калейдоскопа событий времени, точек пространства, то расширяющегося, то сжимающегося в плоскость, то развертывающегося в лист Мёбиуса. И дай Бог память понять, что это такое, когда дальше как будто бы уже и ехать некуда и дорого бы да узнать, где ты, и дар слова ещё не обрёл и не видишь как будто бы ничего дальше собственного носа и заднего хода жизни нет, а охватить всё, что высветляется вокруг сил не хватает, - то ли ты на два аршина под землей, то ли в каком – то свиристящем пространстве ломишься в открытую дверь, да черта с два, поскольку видишь жизнь как две капли воды, похожую на то, что есть, уже было или только предстоит быть.

Клим осознает, что он находится в достаточно узком помещении, где полумрак и виселица впереди. Официальные лица и врач, и начальник тюрьмы. И молодой человек, которому петлю на шею накидывают и он отказывается от мешка на голове. И тут же, как бы и суд, и мать этого молодого человека в судебном заседании, не сумевшая отговорить своего сына требовать помилования, помилования за участие в заговоре с целью убийства царя Миротворца, Александра III 1 марта 1887 г.

«Да это же родной брат Ленина», - возникает мысль у Клина, который как бы приходит в себя и слышит, отчетливо слышит слова этого молодого человека, произносимые им на заседании Особого присутствия Сената по делу:

«При отношении правительства к умственной жизни, которое у нас существует, невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная; даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна. Правительство настолько могущественно, а интеллигенция настолько слаба и сгруппирована только в некоторых центрах, что правительство может отнять у нее единственную возможность, — последний остаток свободного слова... Убедившись в необходимости свободы мысли и слова с субъективной точки зрения, нужно было обсудить объективную возможность, т. е. рассмотреть, существуют ли в русском обществе такие элементы, на которые могла бы опереться борьба. Русское общество отличается от Западной Европы двумя существенными чертами. Оно уступает в интеллектуальном отношении, и у нас нет сильно сплоченных классов, которые могли бы сдерживать правительство... Для интеллигентного человека право свободно мыслить и делиться мыслями с теми, которые ниже его по развитию, есть не только неотъемлемое право, но даже потребность и обязанность...» - Стоило ли покушаться, чтобы так горячо выступать за интеллигенцию и сплочение её с народом, стоило ли отдавать свои позвонки шеи, чтобы их с хрустом ломали, - говорит Климу, рядом голос. Клим оглядывается, всё тот же старик, что привиделся ему в Лагерном Саду Томска. Только он уже не старик, а, почти, совсем упитанный взрослый человек, чем – то похожий на него самого, Клима.

»Наша интеллигенция настолько слаба физически и не организована, продолжал подсудимый, - что в настоящее время не может защищать свое право на мысль и на интеллектуальное участие в общественной жизни. Террор есть та форма борьбы, которая создана XIX столетием, есть та единственная форма защиты, к которой может прибегнуть меньшинство, сильное только духовной силой и сознанием своей правоты против сознания физической силы большинства. Русское общество как раз в таких условиях, что только в таких поединках с правительством оно может защищать свои права... Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь...»

—Эх, туманы, мои рас туманы, бедные пространства времени, погибаете вы под острым зрением Солнца, - продолжал говорить этот человека, представившейся Килиму, много позднее тем присяжным поверенным, у которого служил, но слабо исполнял свою работу Владимир Ильич Ульянов

Сколько вынесла эта калмыцко – немецкая семья в своих поисках надеждах и страданиях, подумалось Климу, поскольку он всё же, несмотря на своё внешнее равнодушие, прижимался душой к Советской власти, в которой и был воспитан, но он даже и не знал и не предполагал, как бесконечна скорбь желчного, сухого и язвительного писателя, оратора и властелина Нового Социального Государства, когда в апреле 1917 г., в день своего возвращения в Россию, будущий вождь революции, несмотря на события и неотложные дела, пошел на Волково кладбище в Петрограде и распростерся на могиле матери, скончавшейся. 25 июля 1916 г. Всё же что – то было в его душе мистическое, глубоко скрытое личным усердием в тихой радости пребывания в жизни, как это скрытое было и в калмыцком лице и его отца, надевшего вицмундир и при полном параде стоявшего в храме 1 марта 1881 года и высоко почитавшего убиенного Александра II, освободившего крестьян от крепостного ига и прозывавшегося Освободителем.

«Дворянин Владимир Ульянов», — как он некогда подписывался, погрузился так глубоко в экономические и статистические исследования, что совсем запустил свою службу у петербургского присяжного поверенного М. Ф. Фолькенштейна, заведя дружбу на социалистическом небосводе с А. Н. Потресовым, на год старше Ленина, сыном артиллерийского офицера, ровесником его инженером В. В. Старковым, инженером Г. М. Кржижановским, двадцати одного года, но особо с Петром Струве, внуком знаменитого немецкого астронома Фридриха Струве и сыном астраханского губернатора. Он был западником, марксистом, противником террористов-народовольцев с их установкой на крестьянскую общину. Ленин с ним не поладил. И с этого момента, мысленно поминая слова своего старшего брата об интеллигенции, плюхаясь с бесконечными «глупостями», по его мнению, с русским отсеком смысла этой прослойки буржуазии, он уже не стеснялся в своих порывах и начинаниях, указывая место этих людей, рассчитывающих на тёплое народное добро при новой власти. □ Если ждали Иисуса Христа,

то для них он мимо прошёл. Пусть не надеются. На всё его святая воля! Не ко двору нового государства эта самая интеллигенция, пусть не считаются в своём уме. Он свято помнил, что брат его потерял шейные позвонки в первую очередь именно потому, что делал ставку на интеллигенцию. Напрасно. Это и есть первый урок исторического материализма в государстве трудящихся: " Дорогие товарищи! Вынужден, по совести сказать, что ваше постановление так политически безграмотно и так глупо, что вызывает тошноту. Так поступают только капризные барышни и глупенькие русские интеллигенты. Простите за откровенное выражение своего мнения и примите коммунистический привет от надеющегося, что вас прочтут тюрьмой за бездействие" (12 октября 1918 .В Президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов). Он не собирался с этими политическими слабаками делать весёлую мину при плохой игре и менять декорации, делая глазки заплечных дел мастерам буржуазии.

-Ладно, хватит здесь ошиваться, дорогой студент, делая вид, что ничего – то ты не понимаешь, на ухо заявил Климу тот самый голос, что сопутствовал ему во всех этих времяпровождениях, - я тебе сейчас на нервы подействую, чтобы ты тихо, тихо стал просвещаться. Давай-ка, брат несмышлениш переместимся с тобой туда, где по домашнему обедает вождь пустыми шами в сухом семейном кругу. Ты не думай, я не Дьявол и не Дух, я просто тот самый Гомункул, что, возникнув однажды по воле Парацельса, теперь и всегда жив и перемещаюсь в сложных пространствах бытия и времени. Недаром ещё Гёдель, вникая в уравнения Эйнштейна, того самого, которого верный ленинец Невский, продолжая вчитываться в строки книги вождя «Материализм и эмпириокритицизм» назвал махровым слугой капитализма, так вот Гёдель, не менее прокисший капиталом ученый, вывел свое особое «замкнутое время», почти поняв как это возможно. Но для меня невозможного здесь и не было и нет. А потому вперёд, - к Ильичу на квартиру! «Живём ради Бога, а не самих себя!». И пусть эта интеллигенция, эта мелкая буржуазия, по словам, Ильича, не надеется, после второго пришествия, она подлежит изъятию. Но с этим, на будущее, Коба разберётся.

В кремлевской столовой Ленин никогда не обедает, чтобы не тратить времени на разговоры с коллегами. Крупская приносит ему обед из столовой, осторожно ступая по обледеневшему кремлевско-

му тротуару с буханкой черного хлеба под мышкой и полным судком супа в руках. Но хотя ходит она в столовую так, чтобы вернуться вовремя к обеду или ужину, придя домой, она обычно не застаёт Ленина. Тогда М. И. Ульянова обычно звонит в кабинет Ленина и приглашает его обедать. Он обещает прийти немедленно. Через 10–15 минут ему звонит приемный сын А. И. Ульяновой-Елизаровой, Гора: «Владимир Ильич, когда же вы придете? Суп стынет, а мы у стола сидим, голодные и ждем». Бывали случаи, когда это не действовало, и спустя некоторое время 13-летний Гора бежит в кабинет и приводит Ленина домой. «Ну, где ваш остывший суп?» — говорит Ленин. «Теперь сиди и жди: отправили на плиту подогревать», — отвечает М. И. А тем временем Ленин звонит, например, Глебу Кржижановскому:

"Мобилизовать всех без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-матем. факультеты и пр. Обязанность: в неделю не менее 2-х лекций. Обучить не менее 10-и (50-и) человек электричеству. Исполнить - премия. А не исполнить - тюрьма." (декабрь 1920).

- Ленин, как видишь, говорит голос Климу,- человек служащий, но его дело не только мысли на бумаге. Пока суп на плите дозревает до нужной кондиции внутренней теплоты, Ильич звонок за звонком разъясняет нам полезные понятия исторического материализма в конкретной ситуации. Вот жене Горького М. Ф. Андреевой относительно арестов интеллигенции:

-Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей этой около кадетской публики. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки. Ей-ей, лучше. (18 сентября 1919).

Максиму Горькому о том же: "Короленко ведь почти меньшевик. Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками". Нет, таким "талантам" не грех посидеть недельки в тюрьме". "Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно".

Тов. Крестьянскому:

"Брошюра напечатана на слишком роскошной бумаге. По моему надо отдать за эту трату роскошной бумаги и типографских средств под суд, прогнать со службы и арестовать кого следует. Неумный человек или саботажник редактировал ее? "

Тов. Сталину в Харьков:

"Пригрозите расстрелом этому неряхе, который, заведя связью, не умеет, и добиться полной исправности телефонной связи со мной " (16 февраля 1920).

Тов. Каменеву: "По - моему нужен секретный циркуляр против клеветников, бросающих клеветнические обвинения под видом "критики". Смольный, Зиновьеву:

"Знаменитый физиолог Павлов просится за границу. Отпустить за границу Павлова вряд ли рационально, так как и раньше он высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответственных разговоров, не высказаться против советской власти и коммунизма в России. Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормативный паек ".

Шмидту, Троцкому, Цурюпе, Шляпникову, Рыкову, Томскому:

"Прошу Вас собрать совещание наркомов - об оздоровлении фабрик и заводов путем сокращения количества едоков ".

В Совет Труда и Оборона: "Перетряхнуть Московский гарнизон, уменьшив количество и повысив качество ".

Тов. Брюханову:

"Сейчас же начать кампанию беспощадных арестов за нерадение. НКПрод должен установить по губерниям и уездам ответственных лиц, чтобы знать, кого сажать " (25 мая 1921).

- Вот он, исторический материализм, в действии, Клим. Исполняй жизнь вперед разума и пользы. И не скучай в ней. И помни. Теперь мы вместе. Приходи в себя и слушай, что начальники об упокоении товарища Сталина тебе скажут. Слушай, мотай на ус и помалкивай. Судьба и я поведут тебя далее.

СЕКТОР КРУГА III .РОДИМЫЕ ПЯТНА..

«Êî ãî Āî ñî î ãî òî ÷ ãò î ðåçàðòî, ó òî ãî î òî èî ðãð ðàçòîî »

«Совет Социального Освобождения Человечества!» – где ты, - не в родимых ли пятнах капитализма или коммунизма... У честных коммунистов нос лаптем, а у хищников капитализма глаз тёмный, а на лице виден старый экономический ум делать упор не на десятое дело, а на текущее и деньги тут же возникающие. Это коммунизм делит шкуру неубитого медведя и всё доводит до того, что всякое дело табак.

Клим оторвался ото сна, из которого так выходить не хотелось, но статочное ли дело так долго сном упиваться. Заскрипели засовы кованые и раздалось: «Выходи-и-и. Что нагулялся в беспамятстве от страха. Ан. Нет ничего, не обос-ся. Ну и ладненько. Давай иди...». И Клим пошёл по гулким коридорам в кабинет, где и сидел тот, кто пальцем его к себе приглашал..

-Ну, проявили мы твои фотопленки. Густо серые сугробы только. Аппарат мы у тебя заберём, чтобы неповадно было по таким траурным дням вообще что - либо фотографировать. Справочку мы тебе давать не будем о том, где ты находился, но кому следует в институте позвоним, поговорим, чтобы приглядывали за тобой. Кстати, а кто был твой дедушка?

- А я об этом ничего не знаю. И, действительно, Клим помнил только его золотые зубы, когда он кормил его манной кашей.

А знать того ему не полагалось, что однажды пришли во время чаепития в дом к деду вот эти хитрые ребята, что для угнетения человека означены, да забрали их троих: деда, дядю, метра под два ростом и, между делом, невестку тут же оказавшуюся. А через пару недель, припаяв им монархический заговор, которого и в помине не было, голыми, не стесняясь ничего и никого, расстреляли в за-тылок деда и невестку, а дядю по причине его пригодности для всяких тяжелых работ и корпусности тела отправили на Дальний Восток в те места, где не было ничего вовсе, а потом появился поселок, названный Артёмом, по имени того, кто повсеместно Советскую Власть устанавливал там, где ему укажут, а детки этого самого Артёма в это время в одной колясочке с детками товарища Сталина прогуливались по воздуху.

И начались будни учебы Клим. Никто его не беспокоил. И никто ему ничем таким отвратительным в глаз не тыкал. Всё же, как никак, а «хрущёвская оттепель». Но вот началось распределение по

местам работы. И поскольку он был совсем даже неплохой по оценкам за пятилетку студент, то его и нескольких таких же пригласили в ректорат, где было особое распределение на места, что для студентов в перспективе казались очень даже хлебными и перспективным в интересах поиска таких месторождений, которые являли собой, в конечном счете, щит Родины.

И вот всех, казалось бы, уже призвали и распределили, куда следует, а двоих оставшихся из этой группы всё никак не вызывали и хлебных мест не предлагали. А потом и совсем объявили им, что они могут быть свободными. И только через несколько десятилетий им случайно удалось выяснить, что не всё в порядке было с их родственниками. А точнее, совсем не в порядке. Да и какой уж там порядок, поскольку этих самых родственников истязали, убивали, муржили в лагерях и лишь отдельным из них было дозволено кровью смывать позор «предателя Родины», хотя и никакого предательства с их стороны, и не было. Просто нужны были трудовые ресурсы, бесплатная живая сила, которой пользовались как рабами для скорейшего и досрочного выполнения сталинских пятилеток. Так очень поздно, уже при седых волосах, узнал Клим, что дядя его был аж даже капитан – инженером по ходовой части фантастического лидера эскадренных миноносцев «Ташкент», который вывез из Севастополя последнюю партию защитников этого города, благополучно прибыл в Новороссийск и по наводке предателей был затоплен налетевшими «юнкерами» в доках этого города с большей частью экипажа, хотя все начальство разбрелось по своим надобностям за пределы лидера, а пожелавший самолично вручать награды героям, в том числе и его дяде, маршал Буденный отрулил свой самолёт и в Новороссийск не прилетел. Вот и хоронили в братской могиле свыше сотни убиенных героев, которых награды так и не нашли даже после войны. А у сокурсника Клина по несчастью с распределением совсем неприятность вышла. Загиб его отец в войсках Андрея Андреевича Власова, генерал – лейтенанта, обласканного Сталиным, в том числе и за успешную взбучку немцам под Москвой. А потом этот генерал, помыкавшись в окружении со своими солдатами, материально и физически перешёл на сторону немцев. Отчего и был поставлен крест на этих «ужасных предателях», которых проклинали и свои, и чужие. С одной стороны, это были родимые пятна капитализма, с другой, родимые пятна боль-

шевизма с лицом дорогого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина. Но стоило ли об этом говорить, когда жизнь в народе после войны обретала своё человеческое лицо, когда исчезли хлебные подомовые многокилометровые очереди, когда народ стал получать трудовые пенсии и новые квартиры, когда битком были забиты отдыхающими берега Черноморского побережья, когда выпускали одних из лагерей сталинского режима, но потихоньку сажали или направляли на исправление других, особенно ту часть народа, которая мнила себя «колобковой интеллигенцией», перекаати – полем и не слушала призывов Партии и Правительства о том, что уже в 1968г («Партия торжественно заявляет»), что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! А о подкованной борьбе между лидерами Партии и Правительства, если и общалось, то очень глухо, а потому народ по причине своего фантастического суесловия стал воображать, что «заграница нам поможет», даже не понимая, что для человека ленинско-сталинского времени, вооружённого марксизмом и большевистской преданностью членом партии Правительству и Народу, нет никакой Америки, и Англии тоже нет, а есть одна деревня хацепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана. Но общество хотело перестраиваться. «О какой перестройке все теперь толмачат?» – размышлял Клим. И тут опять он оказался во власти Гомункула, который и захотел ему разъяснить, куда ведут родимые пятна капитализма и большевизма и какой Третий Путь появляется в сознании тех, у кого нет никакой возможности, награбив награбленное, обманом общества таких работников, как он, Клим, зажить зажиточно, где – нибудь в ином потустороннем фантазийном мире Австралии, Англии, Америке, ЮАР или, на худой конец, в офшорных местах, куда без труда можно определить нажитое, разумеется, праведными путями добро, когда прибыль в деле составляет от 300% и более. И тогда можно было смело орать, что и фашизм, и коммунизм – это «бьяка», это вырождение человечества и привлекать в свидетельство великих социальных реформаторов и Питирима Александровича Сорокина, и Н.Д.Кондратьева, и джеффрисов, пытающихся на примере истории цивилизации дать вам полное соединение духа, науки и религии в пределах стратификации населения, т.е. кастовости: «и не видишь ничего дальше собственного носа. «.. -Давай-ка, Клим, посмотрим назад – вперед, как там всё это было и как теперь образовалось, и

было и как теперь образовалось, и как там наука потом развивается и чем там кончится, известно ли? Вот, например, приспешник ли Гитлера или, действительно, его противник, тот самый который встал во главе РОА (Русской Освободительной Армии) – стоеросовая дубина ростом, с лицом крокодила и повадками деревенщины Андрей Андреевич Власов. Вот он своей персоной. Ещё в Китае и что? Из советника Чан Кайши Власова в глазах немецких шпионов, которыми довоенный Шанхай буквально кишел, делали недовольного советской властью высокопоставленного советского офицера. В его пользу играли крестьянское происхождение, религиозное образование, склонность к прекрасному полу и выпивке.

Власов купил в одном доме, у одной китайской семьи, трех несовершеннолетних китайенок, сроком на три месяца. Мол, так дешевле — наложницы, стряпухи, прачки и уборщицы в трех лицах. Одним словом, как было указано, «деревенщина», который ничего умного не придумал, как купить сразу трех баб на три месяца целиком.

«В Китае большевистское мировоззрение Власова испытывает первое потрясение. Соприкоснувшись с некоммунистической страной, он увидел лживость советской политики, которая, с одной стороны, поддерживала националистов Чан Кайши против японцев, но, с другой стороны — пыталась ободрять коммунистов Китая. Таким образом, миссия Власова, помимо официальной задачи: помогать Чан Кайши в обучении и формировании его армии, — имела и тайное задание, а именно: создать предпосылки для победы коммунистов в Китае».

Андрей Власов тоже считался личным другом и ближайшим советником Чан Кайши, жена которого души не чаяла в «умном и очаровательном» Андрее. Впоследствии выяснилось, что одним из Советских агентов стратегического влияния являлась жена самого Чан Кайши, очарованная мужскими достоинствами Андрея Власова, ставшая его тайной любовницей и осведомительницей. За свои успехи в качестве «Ромео» Власов получил от супруги Чан Кайши золотые часы ручной работы. □ ЭтдКлим, одно фото, люди заращаются усталость от одной внутренней жизни и на время прекращают свои убеждения, но это только кажется. А вот второе фото, зри.. Лежат, приткнувшись лбами в лагере трое пленённых генералов и беседуют крайне шёпотом.: -Ты, Андрей Андреевич, перехо-

ди к немцам. Если выяснится, что всё благополучно и армия тебе обеспечена, — тогда мы с тобой. Если же это окажется обманом — мы не присоединяемся». Так Власов добился согласия от своих старших сослуживцев. А ими были генерал Михаил Федорович Лукин, командир 19-й армии, и генерал Павел Григорьевич Понеделин, командовавший 12-й армией на юго-западном фронте.

Лукин был ранен серьезно. У него не было одной ноги и руки. Вот, слушай-ка, что он говорит на допросе 14.12.41 в Берлине:

-Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики, будучи в хороших отношениях с Германией....Теперь я прошу Вас, чтобы Вы знали, что все это сказал россиянин, который любит свой народ, и я не хочу, чтобы было еще хуже. Я прошу Вас сохранить все это в секрете, так как у меня есть семья.

Это тебе, Клим, не лапоть, какой – то вроде Власова. Отпустили его в свою деревню инвалидом доживать. А он, Михаил Федорович, отдохнул на белом свете очень даже неплохо, 78 годков прожил, умер в 1970году, а в 1993году стал Героем Российской Федерации.

Вот как бывает, и даже очень как бывает, дорогой Клим.

А теперь оборотимся к новому пути, на котором много ли, мало ли родимых пятен в новом обществе, где имеет место сплошное питание братской души, если во внимание принять прозрение генерал – лейтенанта Лукина.

А советы генерала Лукина пошёл исполнять с душой деревенщины этот самый Андрей Андреевич Власов, думая, что действиями своими приблизит новый путь, который получил название поэтическое в других устах: «Как нам обустроить Россию». До сих пор обустроиваем, и обустроивать будем еще ох как долго. Ты, вот Клим, уже и Перестройку М.С.Горбачёва пережил и хламидопопулизм Ельцина мимо тебя прошёл и программу 500 дней выполнял.

СЕКТОР КРУГА IV.Третья СИЛА.

«I àâī àèòü òâī ù ī à ŷñī ūé àâī ū».

И закуролесила Судьба генерала Андрея Андреевича Власова. Его привезли в Берлин. На Виктория штрассе 10, где находилось

Отделение Военной Пропаганды в составе Главной Ставки Вооруженных Сил, (сокращенно WPr. IV), Власов встретился с другими русскими пленными или перебежчиками, которые выразили готовность сотрудничать с немцами. Начальником этого отделения, которому подчинялся Штрикфельдт и в котором работал капитан Николай фон Гроте, был полковник Ханс Лео Мартин. Штрикфельдт действовал очень умело, подчиняясь одновременно отделению с полковником Марином и отделению «Иноземные войска на Востоке» с полковником Рейнхардом Геленом. Это давало ему возможность в критических ситуациях отклонять неприятные требования с третьей стороны, причем, заранее заручившись согласием, он мог ссылаться то на одно, то на другое учреждение. Таким образом, ему удавалось идти своим путем.

Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт родился в 1897 году в Риге. Учился в Реформатской гимназии в Петербурге и окончил ее в 1915 году. В том же году вступил добровольцем в русскую армию, получил офицерское звание, воевал до конца первой мировой войны. В 1918—20 гг. участвовал в освободительной борьбе против большевиков в Прибалтике и под Петербургом. Затем в течение четырех лет работал по мандату Международного Красного Креста и Нансеновской службы по оказанию помощи голодающим в России. После этого учился (экономика, право). В 1924—39 гг. представлял в Риге германские и английские предприятия. В 1941—45 гг. – переводчик и офицер германской армии. Ближайший сотрудник и друг А. А. Власова. Скончался 7 сентября 1977 года в Оберштауфене (южная Бавария).

При содействии генерала Гелена и полковника графа фон Штауфенберга был создан «Отдел восточной пропаганды особого назначения», а начальником его был назначен Штрик-Штрикфельдт. Так был создан центр политического ведения войны или, точнее, «русский центр для генерала Власова».

Разрешение на отпуск средств было достигнуто при совместной помощи Штифа, Штауфенберга, Альтенштадта и Кламмрота, причем Штауфенберг отбросил многие возражения Рёнке. Как раз Штауфенберг увеличил число личного состава с 400 до 1200. Личный состав Дабендорфа должен был, по его словам, послужить ядром возможного дальнейшего развития. Бюджет включал, таким образом, содержание восьми генералов, шестидесяти старших офи-

церов и нескольких сотен нижестоящих офицеров – по русскому персоналу. Соглашение с Отделом ФХО предусматривало план размещения русского персонала при ста фронтовых дивизиях и специальных частях, а также назначение русского связного, персонала при комендатурах лагерей военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, в прифронтовой полосе и в Германии. В целом, штатное расписание должно было в будущем охватить 3600 плановых офицерских должностей.

Посол Японии генерал Эшима протестовал в Министерстве иностранных дел против развертывания Власовского Движения. Такого рода дипломатическая вражда неизменно повторялась.

Япония тогда вела войну против Соединенных Штатов и Англии. С Советским Союзом после подписания договора о ненападении она поддерживала дипломатические отношения и, конечно, стремилась сохранить такой порядок возможно дальше. Правда, она была вынуждена держать одну армию в Маньчжурии, но зато у нее были развязанные руки для действий против атакующих так называемых «прыгунов с острова на остров», как иронически именовались войска генерала Мак-Артура.

По политическим соображениям японцы были готовы оказывать маленькие услуги советскому режиму, что превращало их в защитников интересов Советского Союза в Берлине. Это подтверждалось тем, что вмешательство японского посла всегда следовало, когда в борьбе за признание Власовского Движения чаша весов склонялась в его пользу: например, когда казалось, что Власов получит согласие на формирование первых десяти дивизий, или в его распоряжение придут разбросанные многочисленные подчиненные генералу Кёстрингу батальоны и роты.

Японцы проявляли большой интерес ко всем событиям, связанным с Власовским Движением. Им удавалось получать ценные сведения, используя при этом многочисленные каналы.

Одним из таких источников был Александр Степанович Казанцев. Он был редактором русской эмигрантской газеты в Белграде и членом русской эмигрантской организации НТС (НТС — Национально-Трудовой Союз, в настоящее время Народно-Трудовой Союз)), а в описываемое время принадлежал к числу свободных сотрудников русского происхождения во власовском штабе на Викториа штрассе. Будучи одним из подписавших Пражский Манифест о

Русском Освободительном Движении и редактором главного органа этого движения «Воля Народа», он пользовался известным влиянием. Казанцев был служащим немецких Вооруженных Сил, то есть не был чином РОА, что он всегда подчеркивал.

Его жена служила в японском посольстве в Берлине. Супружеская пара Казанцевых часто принимала у себя японских гостей, которые приносили подарки.

Сквозь призму НТС, где душой был очень даже интересный человек Александр Степанович Казанцев, и выходило, что и фашизм, и большевизм во всех формах его родимых пятен людям России не нужен, но есть Третий Путь, а именно программа Народно-Трудового Союза. А потому, если в первой книге «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицын, хотя и имевший в момент написания книги, очень ограниченные источники информации, почувствовав объективную правду Движения, попытался ее показать. Теперь «Третья сила» России просто необходима. А.С.Казанцев, несмотря на свои экивоки в сторону японцев любил полиберальничать, например, с интересом слушал лектора школы Александра Николаевича Зайцева: «.. Свобода слова и печати — это одна из основ правового государства. Она дает возможность общественного контроля над всем, что происходит в стране. Она является гарантией, что никакие темные деяния, будь ли то властей или частных лиц, не останутся без порицания или наказания. При действительной свободе слова и печати немисливо существование тоталитарных режимов, при которых к власти пробиваются всякие проходимцы с заднего крыльца, а во главе государства оказываются какой-нибудь недоучившийся семинарист или неудачник ефрейтор...». Правда за этим Зайцевым охотилась СС, но благодаря своевременному предупреждению через генерала Малышкина, он с помощью НТС исчез в Берлине. Для подобных целей у НТС был грузовичок с надписью: «Внимание! Опасность заразы: тиф». Такую машину как будто с тяжело больным, пропускали всюду. Потом его после войны встречали во Франкфурте на Майне... Конечно, никакого интереса власовское движение не играло в планах НТС, если бы не противостояние фашистской Германии и СССР. Да ведь никто из сторонников третьей силы и не был повешен после окончания второй мировой войны. Этим людям практически даже не интернировали в Союз из Западного сектора союзников. А формулировка Третьей силы Казанцева,

это формулировка последовательного защитника и сторонника НТС: «Третьей силой является русский народ, который решил борьбу между Сталиным и Гитлером в пользу Сталина. Взаимоотношения, которые ныне определились между западными демократиями, с одной стороны, и Советским Союзом и его сателлитами, с другой, — в основном одинаковы с теми, которые в свое время существовали между Германией и Советским Союзом. Опять же русский народ — третья сила, и ему выпадает решающая роль. Союз и совместные усилия вместе с русским народом в борьбе с коммунизмом являются не только одной из нескольких возможностей, чтобы спасти мир от грозящей катастрофы, но и единственной».

Приговор власовцам был ясен с самого начала — высшая мера наказания. Он был объявлен 1 августа 1946 года и гласил: смерть через повешение. Повешение, потому что эта казнь является унижением. Казнены были: А. А. Власов, В. Ф. Малышкин, Г. Н. Жиленков, Ф. И. Трухин, Д. Е. Закутный, И. А. Благовещенский, М. А. Меандров, В. И. Мальцев, С. К. Буняченко, Г. А. Зверев, В. Д. Корбуков и Н. С. Шатов. Главная военная прокуратура России отклонила иск о реабилитации генерала Власова в 2001 году.

И новое поколение россиян не могут сказать теперь, что у них сзади Ленин живёт, но запах новой жизни всё же по-прежнему похож на сон под ватным одеялом в чёрной магии мысли и письменности, исходящей от третьего пути, поскольку народ мрёт на переходных путях перестроек, подозревая обман масс среди церковных восковых свечей, где голос Иисуса так слаб, а баритон капитала так выразителен в третьей Силе умыкания народной собственности.

СЕКТОР КРУГА V. Голод, или кушай кашу, Маша.

*«Ἀνὸ ἀὰ ἀεῖ ἰ δῖ ἐεῦ ὀυῖαι ἄεεῖαι ἰ ἰ ἰ ἰ εἰ ἀὰ ἡ ἰ ἐδ ἂ ἰ εἰ ἂ ἰ ὀ
ε δὰ ἂ ἰ ἂ».- Ἐἰ ὀ ἂ ἰ ἂ ὀ εἰ ἰ ἂ ε.*

-Что ты остолбенел, Клим? Старых знакомых не узнаешь. Я – то всё прежний. А ты? Дай, – как на тебя посмотрю... Тебя время меняет. Почтенный старец. А седины мало. Признанный метр в своей области. Именно признанный потому, что слишком многие тебя по жизни готовы были в бутылку загнать. Но потому и ценю тебя це-

ной человеческой души, что пошёл по жизни путём труда, а не работы зарабатывания денег. Если у человека есть труд, что радость приносит, а потому мыслью творческое созидает, да ещё и деньги тебе платят за этот труд, то это и есть твоё счастье. Ты от многого зависишь, но от многих и не зависишь и больше всего от тех, в том числе и друзей, что хотели осквернить тебе ещё более путь, да не могут. А работой пусть занимаются другие. Ты трудись, ты ратник науки. А это уже более чем достаточно. Я вот тебе наглядный пример приведу...

И Клим увидел себя сидящим вместе с Гомункулом в достаточно большой амфитеатром аудитории, свет в которую шел из купола над амфитеатром. Он, Гомункул, как и многие, были одеты в длиннополюе зеленые сюртуки с золотым шитьём. Зал был переполнен. Особенно много было, дам молодых и старых, одетых богато и очень странно. Что это за цирковое представление уже хотелось спросить Климу у своего спутника, но он поднёс палец к губам..

□ Сегодня великий день, - возгласил председательствующий. И Клим понял, что он среди французов.

-Сегодня великий день, - повторил председательствующий. Нам только что продемонстрировали изобретение господина Эдисона. И мы, академики Франции, своими глазами видели и ушами слышали в этом удивительном 1878 году, сегодня 11 марта, что речь человеческую можно записать, а потом много раз повторять, используя вот такой небольшой валик с мягким покрытием. Академик Бульо, что с Вами!? Почтенный академик бросился на представителя Эдисона, чуть не задушил его, громко крича: - Негодяй! Мы не позволим, морочит нас какому –то чреовещателю!! □ И Вашем Академическом институте, - я думаю, говорил Гомункул ошарашенному таким видением Климу, когда они, как ни странно, уже проходили по Старой площади, но уже в Москве, поворачивая во внутренний особняк, который, как помнил Клим, уже не существовал, как и гостиница "Россия", расположенная несколько далее по переулку, но на данный момент ещё существующая к величайшему удивлению Клина. Откуда он заключал, что находится в Москве, по крайней мере, 70-х годов прошлого столетия, поскольку автомобильный поток отличался чахлостью совковых машин. А гомункул развивал свою мысль: «Так вот, академик Франции Бульо, отличавшийся жи-

востью нрава, переполошил всю Академию этого самого 11 марта 1878года. Ты не удивлялся, Клим, что мы теперь в Москве. Для меня это дело обычное. Голова не кружится? А то с не привычки такое случается. Пространство, время... Всё едино с позиции тех, кто знает, что такое Mumia.».

Они вошли в приземистое, незаметное здание, разделись на первом этаже. Клим обратил внимание, что около лестницы, которая вела во второй этаж, были открыты двери в две комнаты, в одну толпились в очередь люди одетые хорошо и со в кусом, одним словом, одетые по «за граничному», а во вторую комнату как бы и очереди не было, хотя можно было видеть прилавок с удивительными заграничными продуктами гастрономии и бакалеи. Скучающие лица продавцов, полупрезрительно взирающих на тех, кто кучковался в соседние двери.

-Mumia, - вещал между тем Гомункул, - это жизненная субстанция, содержащаяся в некоторых носителях. (Джива, жизненная энергия, сохраняемая в некоторых материальных субстанциях.) Части тела человека, животных и растений сохраняют на время свою жизненную силу и свое специфическое воздействие, как это доказано трансплантацией кожи, вакцинацией, заражением от трупов, открытых ран, язв и т. д. (Подобными носителями жизни являются бактерии.) Кровь, экскременты и т. д. некоторое время после выведения из организма могут содержать жизненную энергию. Может также существовать некоторое родство между такими веществами и жизненной энергией организма. Таким образом, через действие на первые можно подействовать на последнюю. Mumia — это форма, содержащая эссенцию жизни. Когда мы едим мясо животных, не это мясо возобновляет кровь и скелет нашего тела, но невидимый носитель жизни, извлеченный из плоти животных, который, будучи привнесен в наши тела, образует новые ткани и органы. Если животное умирает от болезни, мы не едим его мясо, ибо его Mumia отравлена болезнью; никогда не едим мы и мясо животных, умерших от старости, или разлагающиеся туши, ибо их здоровая Mumia покинула их в процессе распада, оставшаяся же часть отравлена гниением. В Mumia живого существа заключены свойства существа, из которого она извлечена. Поэтому мы не питаемся мясом хищных зверей, как то: тигров, львов, диких кошек и прочих.

Они содержат огненную Mumia, возбуждающую звездные эссенции человека и порождающую в нем стремления, свойственные животному, которому она принадлежала. Мясо домашних животных годится в пищу, ибо по характеру они более смиренные: глупые волы, тихие овцы и прочие, и Mumia их не столь возбуждающая: наиболее же здоровая животная пища есть мясо птиц, ибо они живут в воздухе, воздух же есть возвышеннейшая из четырех стихий. Mumia мертвого тела бесполезна; Mumia, приготовленная бальзамированием, годится только на корм червям. Наибольшей силою обладает Mumia людей физически здоровых и умерших внезапною смертью, к примеру, повешенных, обезглавленных или колесованных. Человек, медленно умирающий от болезни, теряет свои силы еще до того, как умрет, и гниение в подобных случаях зачастую начинается, когда больной еще жив. Его Mumia будет никчемной. Но если бы врачи наши знали бы сокрытую силу Mumia людей, умерших внезапно, они не позволяли бы телам казненных преступников по три дня висеть на виселицах, но забирали бы их и использовали для своих надобностей. Такая Mumia очень сильна, особенно после того, как подвергнется воздействию воздуха, солнца и луны». Я помню, как я удачно запасал эту жизненную силу, когда казнили повешением Власова и его соратников. И потому так подробно описывал это действие. Не менее складно получилось и при казни повешением этих преступников Нюрнбергского процесса. Любопытно, что толику жизненной силы была моему рецепту выделена и для Гесса, который прилетел в Англию по заданию Гитлера, желавшего заключить скорейший мир с Англией, и ополчиться на Россию, это и раньше предлагалось перед разделом Польши самим фюрером. Именно «голод» как инструмент жизни и смерти озвучивал Гитлер свой основной тезис даже в политическом завещании, но при этом ставил во главу угла, опять же, «еврейство», одним словом, - «если в кране нет воды, виноваты все жи-ды...»:

«За три дня до начала германо-польской войны я вновь предложил британскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы - подобное тому, которое было в случае с Саарской областью - международный контроль. Этого предложения также нельзя отрицать. Оно было отвергнуто лишь потому, что в руководящих кругах

английской политики хотели войны, отчасти исходя из деловых соображений, а отчасти под влиянием пропаганды, организованной международным еврейством. Для меня также было совершенно очевидным, что если народы Европы станут разменной монетой, то именно евреи, как истинные преступники в этой кровавой борьбе, будут нести за это ответственность. У меня не оставалось ни капли сомнения в том, что за это время не только миллионы детей европейских арийских народов умрут от голода, не только миллионы взрослых людей найдут смерть, не только сотни тысяч женщин и детей сгорят и погибнут под бомбежками в городах, и истинный преступник не искупит своей вины, даже с помощью самых гуманных средств».

А между тем, поднявшись на второй этаж вместе с Гомункулом, Клим увидел, что все помещение есть обыкновенная столовая, уставленная круглыми обеденными столами, покрытыми белыми скатертями и стульями времен 50-годов прошлого столетия. И всё вокруг и чистое, опрятное, но как бы это скромно сказать, убогое. Люди, обедавшие за столами тоже были несколько странные. На лацканах их пиджаков красовались ордена ещё Советской власти тех годов, когда было принято навинчивать ордена в красные розетки. Таких розеток у присутствующих было много, а ордена все Ленина да «Боевого Красного Знамени», у некоторых даже с номерами 1, 2, 3. Люди друг с другом не разговаривали. Они принимали пищу. Было опрятно, тихо и спокойно. Пища была простая: первое, второе и, конечно, компот из сухофруктов. Всё съедалось под чистую. Принимающие пищу пользовались даже белыми накрахмаленными салфетками. Обслуживающий персонал мужчины. Среди принимающих пищу были и женщины, но в основном такого же пожилого возраста, некоторые из них на кофточках тоже с боевыми наградами. Казалось, что эти награды были непременно частью их тела. Они придавали им смысл суровой торжественности, они были смыслом и духом их прошлой героической жизни, а торжественно скучноватый приём пищи напоминал им, что и глава их государства рабочих и крестьян сам на примусе подогревал постные щи. И об этом величественном факте скромности и бескорыстности вождя они никогда не забывали, проклиная внутренне тех, кто и во время гражданской войны и тех, кто и в Отечественную обогащались, отъедались жареным и пареным за счет народного добра или

добра награбленного, именуемого как трофейное, и присваиваемое ими во время этой уже для них победной войны. Они помнили как мученик эпохи, их дорогой Вождь карал по мере возможности всех, кто перерождался, обретая рыло капиталистического зверя.

Между тем, Клим увидел, что они подходили к столу, где сидела средних лет женщина с огненными глазами и морщинистой кожей. Её можно было бы назвать в прошлом удивительной красавицей, если бы не эта морщинистая кожа лица, которая всё портила, являя собой вымя старой волчицы. С удивлением Клим заметил, что и лицо Гомункула разительно изменилось и стало напоминать ему кого-то, чье лицо он уже видел, но никак не мог вспомнить, кто это? Когда они уселись за стол, то непременно три блюда на каждого были им тут же поданы с расстановкой между поглощением пищи 15 – 20 минут. При этом всё делалось молча, ненавязчиво и без каких – либо комментариев. Как оказалось, и спутник Клим и женщина уже давно были знакомы между собой в том обличье, которое являл собой Гомункул. Она называла его почтительно: «Лев Николаевич», а он её – «Юлия Николаевна». Клим был принят Юлией Николавной как свой, давно известный и уважаемый человек. Это было тем более странно, что сама женщина, её манера разговора, удивительная категоричность и властность производили на Клима отвратительное впечатление, так что скулы его за обедом «ходили» с особой интенсивностью, но присутствующей это, конечно, было невдомёк. □ Както вы в столовую этого ареопага попали, - интересовался уже теперь, Лев Николаевич. Сюда ведь вход очень не просто, Юлия Николаевна.

- А меня мать сейчас в психбольнице, а талоны на еду девать – то некуда. Вот и пришла сюда. Они ко мне с претензией подлетают, шею вытягивают. «Разве это для вас!?!». А я им и тут же в ответ: «А я что? Должна своими руками мать задушить, чтобы мне эти талоны перестали давать. А мать моя с маузером в руке ползла по льду Кронштадта, умирать восставших моряков, позднее пулеметом косила голодрань, что на Москву голодными толпами рвалась съестное грабить, а потом в Отчественну. Была предъисполкома, заботилась о ваших семьях, чтобы им жралось лучше, чем всем «этим рабочим и служащим» с их карточными пайками, а после войны, чтобы ваши семьи не стаивали в подомовых очередях за куском хлеба, 10г масла и 40 г крупы.

И тут Клим вспомнил, как он сам маленьким мальчиком, чтобы в этой бесконечной очереди пройти в магазин и отовариться мукой, насыпал в наволочку снега, подошел к милиционеру, сняв варежки, и попросил войти, чтобы варежки забрать в магазине, которые там забыл. Сердобольный милиционер пусти его. Он высыпал снег в углу магазина и уже стал в маленькую очередь, не забывая, что дома его ждет маленький братишка, а мать едва ли придет сегодня домой, потому что работает на трех работах, а одна из них госпиталь.

Обращаясь к нему, уже более чем зрелому человеку, Юлия Николаевна, возбуждаясь, говорила: «Помните главное. Советская власть знает, что такое пища, продукты, питания, голод. Это она знает хорошо и в первую очередь оценивает вас с точки зрения положенного вам питания или голода». Тот, кто являл собой в настоящий момент Льва Николаевича, в котором только теперь Клим узнал известного специалиста по Евразии, которого академик по истории Рыбаков в грош не ставил, но небезызвестный глава Пушкинского Дома, которому в конце жизни даже дали Орден Андрея Первозванного, ласково попеняв на его недостатки монографий, благословил на их публикацию в широкой печати, обратив его уже в Светило Науки.

Так вот Лев Николаевич, которому нравился разворот беседы, стал приводить страшные факты людоедства времен смутного времени, которое в будущем было воспринято как Вселенский праздник, когда трупы людей продавали на базаре на вес, что и не считалось зазорным.. □ Древние реки, — вещал он, — эти истинные мудрецы, считали, что против безумной любви есть два верных средства: голод и время. Если они не помогут, остается третье и последнее средство, самое верное: веревка! Веревка, привязанная в наше время к крюку для люстры. А вот еще:

«Во время осады Парижа в семьдесят первом году), только высокое кулинарное искусство ресторатора Поля Бребена могло заставить Эрнеста Ренана и Теофиля Готье даже не заметить того, что они находятся в городе, который был залит кровью, трепетал в лихорадке сражений и выл от голода. Жители Бурничевской и Коробинской волости Козельского уезда объявили однодневную голодовку, чтобы сбереженный хлеб отправить «красным рабочим Москвы и Петрограда».

Вот отсюда и рождается мысль, что с помощью вшей, голода и чумных крыс там, где всё это есть, чего доброго, построят социализм.

— Мне рассказывали, что в каком-то селе Казанской губернии дети от голода бросались в колодцы, вторит Юлия Николаевна. -

В селе Линовки (в то время ещё Царицынского уезда) один крестьянин, не будучи в силах выдержать мук голода, решил зарубить топором своего семилетнего сына. Завел в сарай и ударил. А после убийства сам тут же повесился над трупом убитого ребенка. Когда пришли, видят: висит с высунутым языком, а рядом на чурбане, где обычно колют дрова, труп зарубленного мальчика. Через «рацион» к работе.

К лету 1925 г. в Тамбовской, Орловской, Вятской, Екатеринославской, Одесской, Харьковской, Полтавской, Волынской областях отмечался голод. Так, в Елецком уезде Орловской области голодали до 50 процентов населения. «Голодающие в Казанской волости питаются отбросами крахмально-паточного завода. В других волостях в пищу употребляются древесная кора, листья, лебеда. В этом уезде отмечено 23 случая смерти от голода и 400 заболеваний. В Донской волости до 25 процентов голодающих опухло» и т. д.

Юрий Николаевич цитировал почти на память: «В записке В. Н. Манцева к Ф. Э. Дзержинскому о тяжелом материальном положении сотрудников ГПУ Украины от 5 июля 1922 г. отмечалось: «Денежное вознаграждение, которое выплачивается сотруднику, мизерное так же, как продовольственный паек... Зарегистрирован ряд случаев самоубийств на почве голода и крайнего истощения. Я лично получил письмо от сотрудниц, в котором они пишут, что принуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голоду. Арестованы и расстреляны за насилие и грабежи десятки, если не сотни, сотрудников, и во всех случаях установлено, что идут на разбой из-за систематической голодовки». Юрий Николаевич заключал с пафосом: «Опыт установления Советской власти в стране именем Россия бесценен, как бесценен и опыт Гражданской и Отечественной войны, опыт торжества социализма в одной взятой стране, этот опыт кроется в знаменитой фразе Интернационала и в парафразе: «Маша кушай кашу!». А дальше дело за такими как Баркашов: « Транснациональная финансовая олигархия прибегнет к последнему

испытанному тактическому способу - развязыванию гражданской войны (что уже было). В результате гражданской войны наиболее активная часть Русского Народа уничтожит друг друга во взаимном противоборстве за утверждение различных идеологических концепций, умело подброшенных Русскому Народу с целью его разъединения. Тех, кто останется после гражданской войны, уставших от голода, крови, хаоса, легко можно будет купить за обещание стабильности, порядка, хлеба, продиктовав любые условия. Возникает вопрос - сложно ли развязать гражданскую войну? Отвечу - нет, несложно, тем более что «перестройкой» и средствами массовой информации уже все подготовлено. В настоящее время политически активной, т.е. исповедующей какую-либо идеологию, является лишь незначительная часть населения. Поэтому попытка подчинить государство любой идеологии силовым путем, учитывая общую агрессивность, приведет лишь к массовому ответному противодействию, т.е. к гражданской войне.

- Славно покашляли, - сказала Юлия Николаевна, заканчивая обед. Большевики как первые и самые надёжные азы революции поняли, - «распред еды – основа социализма». «Мудрость сложная, но простая, - изрёк Гомункул, прощаясь с Климом в «новом времени», как будто и встречи, и обеда не было.

СЕКТОР КРУГА VI. Овны, Волки и Козлы.

*«I ō nāī ē, i ō īī āū ē l ēd ī ī nō dī ēī .
Ē dō ī āū ē ī ē÷āī , dō ī ò nō dā ī ā ò ā nāī ».- Ē ī ò ā dī ā ò ē ī ī ā ē.*

Клим начинал понимать, что у времени нет ни начала, ни конца не в том смысле, что реальное время не кончается, а в том, что как у Гомункула, личное время бесконечно и не имеет своих границ лишь бы это время удерживалось памятью. А память, как понимал Клим, исчезала после физической смерти. Ни диво дивное являл собой Гомункул и, по крайней мере, для него и у него с памятью всё было в порядке, а перевоплощение в пространстве и времени его, как он говорил «микробосуществова-

нии», не было временем как в откровении Апостола: «ВРЕМЕНИ не БУДЕТ!».

Из-за этого «фильтра», создаваемого стереотипами времени и нашими стереотипами, нам трудно воспринимать взгляды и точки зрения других людей, смотрящих на мир через свои собственные «фильтры», и тем более тяжело понимать и принимать людей, которые руководствуются критериями Вечного.

Говоря языком современной науки, человек подобен замкнутой системе, которая не способна расти и изменяться, потому что практически не контактирует с окружающим миром. Говоря теми же терминами, в представлении Гомункула человек должен быть «открытой системой», то есть взаимодействовать с космосом и другими людьми, быть способным достойно отдавать и достойно получать.

Из-за этой внутренней слепоты мы не способны отличить Истинные вещи от подделок, одетых в красивую мишуру. Например, между истинной магией, как представлял ее Гомункул, и современными взглядами на нее существует колоссальная разница, а настоящий врач и мистик по Гомункулу не имеет ничего общего с современным экстрасенсом или приверженцем психотехник и медитаций. Ведь и Магия, и искусство Врачевания, и Алхимия основаны не на знании человеком набора пассов, не на способности работать с различными полями и даже не на знании законов природы, а, прежде всего, на величайшей внутренней чистоте и стремлении к истинному Благу. Никакие магические силы не достигаются путем различных техник, а естественным образом открываются в человеке, являясь лишь отражением его высокой духовности и мудрости как у самого Эхнатона, указавшего путь к написанию Псалмов Псалмопевца.

Вот почему не существует границ жизни и смерти, времени и пространства. Но стремящегося открыть эти силы в себе ждет долгий и трудный путь. «Необходимо искать и стучаться, обращаясь к всемогущей Силе внутри нас, и сохранять ее недремлющей; и если мы будем делать это правильным образом и с чистым, открытым сердцем, мы получим то, о чем просим, и найдем то, что ищем, и двери Вечного, что были заперты, откроются перед нами... Все, что приходит от „духов“, есть колдовство. Такие духи фальшивы, и мы не верим в них; но мы верим в силу той мудрости, которая правит

небесами и с которой можно познать все таинства природы. Колдовство называют магией, но магия есть мудрость, а в колдовстве никакой мудрости нет. Истинная наука знает все. Вечная часть всех вещей существует без времени, без начала и без конца. Не бывает утраченных надежд. Все, что кажется невероятным, неправдоподобным и невозможным, может стать поразительно истинным в вечности».

Гомункул, как и Парацельс, не верил, что что-либо может произойти вопреки законам природы, но он никогда не заявлял, что все законы природы уже известны. Он отвергал слепой фанатизм и легковерие невежественного духовенства своего времени, он требовал права читать Библию в свете своего собственного разума и отрицал мнения других, если находил их неверными, даже если эти мнения авторитетно и догматично провозглашались официальными хранителями науки или религии. Встреча Клим с Гомункулом заставляла его, хотя бы временно, отвлечься от быстротекущих событий его семейного времени, обратив внимание на такие общетеоретические вопросы Бытия, к которым он в силу полученного образования, не имел возможности отвлекаться. Но события, в том числе общественно – политического характера, явно свидетельствовали об изменении Эпохи. А это уже была Судьбоносность!

А Гомункул, в очередной раз, встречаясь с Климом, говорил ему: «Смотри и слушай!». Клим смотрел и слышал такие подробности событий и фактов, которые казались ему фантастическими и еретически неправдоподобными, так что приходилось пить горькую чашу создаваемых фактов до дна, хотя вся его натура противилась виденному и слышанному и хотелось чистым и ясным языком сознания говорить об оных днях, что создателем и строителем мощного государства СССР был создатель Лаврентий Павлович Берия, которого так любил и привечал Мироныч, тот самый «мальчик из Уржума», «незапятнанный лидер большевизма», которого так зверски убили «люди заговора против доброго Сталина» - люди злодеев Каменева, Зиновьева, Троцкого и их камарильи. Этот самый честный из честных ленинцев Мироныч, т.е. просто Сергей Миронович Киров, помог Берии, с которым был знаком ещё по Баку, обойти первого секретаря Грузии Гегечкори и жениться на его дочери без согла-

сия отца – грузина, никогда не забывавшего, что еще Иосиф Сталин называл Лаврентия «наш Большой Мингрел». Большой мингрел Берия старался, как мог везде и всегда, а его оболгали, его расстреляли, а сам де он был «агнец», который только и думал о счастье народов советской империи.

По линии жены Нины у Берии были два знаменитых родственника Гегечкори: один – убежденный большевик, его именем называли район в Грузии, другой, живший в изгнании в Париже, – министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии. (Позднее это явилось основанием для обвинения, сфабрикованного против Берии, в том, что он через свою родню связан с империалистическими разведками.).

А любвеобильный Мироныч, которому, конечно, не хватало не только женской, но и девической ласки, так что по страсти он всегда был близок к людям Кавказа, а потому понимал Большого Мингрела, никто как другой, этот самый Мироныч погиб в Ленинграде от своей страстной похоти к женщинам и неопытным девушкам.

НКВД подробно выяснял интимные отношения Сергея Миновича с артистками Большого театра и Ленинградского театра оперы и балета. Мильда Драуле прислуживала на некоторых Кировских вечеринках. Эта молодая привлекательная женщина также была одной из его «подружек». Ее муж Николаев отличался неживучим характером, вступал в споры с начальством и в результате был исключен из партии. Через свою жену он обратился к Кирову за помощью, и тот содействовал его восстановлению в партии и устройству на работу в райком. Мильда собиралась подать на развод, и ревнивый супруг убил «соперника», застрелив его прямо в затылок, когда он барахтался на этой самой Мильде, не успев снять шинели и исподнего, так что следы его спермы, этого поистине Великого деятеля Революции, сохранились на его кальсонах, тихонечко пролежавших в запасниках Музея до тех пор, пока не были подвергнуты анализу судебной экспертизы, но уже в 21 веке. Великие тайны убийства этого милого друга, смертью своей положившего начало «кировскому потоку» репрессированных, замученных и расстрелянных без суда и следствия, сохранялись в строжайшей тайне до нынешнего текущего времени. Всеми, от Хрущева до Горбачёва,

создавался миф о здоровом ядре в ЦК во главе с Кировым в противовес Сталину и его единомышленникам.

Вся семья Николаева, Мильда Драуле и ее мать, были расстреляны через два или три месяца после покушения. Мильда и ее семья, невинные жертвы произвола, не были реабилитированы до 30 декабря 1990 года, когда их дело всплыло на страницах советской прессы. А ведь именно Мироныч подал мысль Сталину приблизить Берия, с одной стороны, а с другой наблюдать за действиями в бане мойщицы – массажистки над любовницей дорогого Иосифа Виссарионовича, которая после этой самой бани шествовала в постель к нему. Он с чувством внутренней радости слышал слова мойщицы – массажистки, обращенной к голой женщине, лежавшей перед ней:

« А можно вас поцеловать в грудь! ». Мироныч умел создавать приятную психологическую обстановку для своего друга. И такие моменты Сталин в нём очень даже ценил. Лишь немногие ведали, что бывший мальчик Коба ещё в детстве жалостливо обращался с животным: собрал кучу живых лягушек да сбросил их на острые камни с обрыва, их страдания радовали его. А, увидев свою мать после долгих лет разлуки, он обратился к ней со словами: «А, и ты здесь, старая шлюха!», он защищал мать от побоев отца, и лютая ненависть к нему стали основой его ненависти, ко всем, кому он мог мстить, кому он хотел мстить и на кого в будущем он хотел бы пролить страдания. Вот почему он долго и упорно ждал, ждал, как верный ленинец, которым он никогда не переставал быть, но если гений Ленина касался тактики и стратегии против своих текущих и будущих противников, как, например А.А. Богданова (Малиновского), то для выросшего из Кобы человека: хитрость, зависть, злость являли собой неременный приступ наблюдения за всеми веселящимися по жизни.

Одна из постоянных любовниц Сталина ведущая оперная актриса Большого театра, народная артистка РСФСР, народная артистка Грузинской ССР, трижды лауреат Сталинской премии В. А. Давыдова рассказывает о своем высокопоставленном любовнике: "Сталин - кривоногий, низкорослый, костлявый, неуравновешенный, грубый, завистливо-капризный - лежит рядом со мной на одной кровати, и я обязана его целовать, обнимать, ласкать... Рассмотрела его как следует: роста маленького, тело на редкость некрасивое, костлявое, ключицы выпирают, позвонки выделяются, туловище уз-

кое и короткое, а руки и ноги чрезмерно длинные. Правая рука длиннее левой... В его характере: злобность, помноженная на злопамятство, мстительность и неверие... Со Сталиным я была в интимной связи 19 лет. Он меня любил по-своему и всегда с нетерпением ждал моего появления... Могу сказать, что все годы вынуждена, была притворяться, играть в страсть".

И. В. Сталин, по свидетельству его бывшего секретаря Бориса Бажанова, "всегда спокоен, хорошо владеет собой. Скрытен и хитер чрезвычайно. Мстителен необыкновенно. Никогда ничего не прощает и не забывает - отомстит через 20 лет... Он не глуп и не лишен природного здравого смысла, с которым он очень хорошо управляется". У Сталина было ещё два качества. Он не любил критику, терпеть не мог критики в свой адрес. Он также никогда не считал себя виноватым, виноватыми были другие, и за это он наказывал их очень сурово, вплоть до расстрела.

Но наказать своего лютого врага от НКВД Орлова, бежавшего в Америку, он не сумел. Так хитёр, умён и изворотлив был для него этот враг. Орлов был связан личной связью с «Иваном Васильевичем» (так Орлов обращался в своих сообщениях к дорогому Иосифу Виссарионовичу).

Настоящая фамилия Орлова-Никольского – Фельдбин, он же «Швед» или «Лева» в материалах оперативной переписки. На Западе, впрочем, он стал известен как Александр Орлов. В начале 30-х годов Орлов возглавлял отделение экономической разведки Иностранного отдела ОГПУ, был участником конспиративных контактов и связей с западными бизнесменами и сыграл важную роль в вывозе новинок зарубежной техники из Германии и Швеции в Союз.

В 1934-1935 годах Орлов был нелегальным резидентом в Лондоне, ему удалось закрепить связи с известной теперь всему миру группой: Филби, Маклин, Берджес, Кэрнкросс, Блантидр.

Орлов был хорошо осведомлен о нашей агентурной сети в Англии, Франции, Германии и, конечно, в Испании.

Орлов направил из Америки письмо лично Сталину и Ежову, в котором свое бегство объяснял тем, что опасался неизбежного ареста на борту советского судна.

В письме также говорилось, что в случае попыток выяснить его местопребывание или установить за ним слежку он даст указание

своему адвокату обнародовать документы, помещенные им в сейф в швейцарском банке. В них содержалась информация о фальсификации материалов, переданных Международному комитету за вмешательство в гражданскую войну в Испании. Орлов также угрожал рассказать всю историю, связанную с вывозом испанского золота, его тайной доставкой в Москву со ссылкой на соответствующие документы. Это разоблачение поставило бы в неловкое положение, как советское правительство, так и многочисленных испанских беженцев, поскольку советская военная поддержка республиканцев в гражданской войне считалась официально бескорыстной. Плата, полученная СССР в виде золота и драгоценностей, была окружена тайной. Орлов просил Сталина не преследовать его пожилую мать, оставшуюся в Москве, и если его условия будут приняты, он не раскроет зарубежную агентуру и секреты НКВД, которые ему известны. Среди этих секретов было и привлечение к работе Орловым Вильяма Фишера, позднее известного, как Рудольф Абель. Только много позже, после смерти дорогого Иосифа Виссарионовича, этот поиздержавшийся в частной жизни профессор одного из американских университетов ради гонорара публикует свою книгу: Orlov A. The secret history of Stalin's crimes. N.Y., 1953, где приводятся сведения о психоаналитических особенностях жизни руководителя СССР, превратившего Россию в имперскую державу. В анналах истории содержится только одно упоминание о действительно гомосексуальной связи в жизни Сталина. Предположительно, любовником был венгерский еврей К. В. Паукер, начальник личной охраны Сталина в начале и середине 30-х годов. Паукер, описанный Орловым как обладатель «неприлично красных и чувственных губ и страстных черных глаз», был целиком предан Сталину. Орлов вспоминает, как он узнал об особенных отношениях между Паукером и Сталиным: «Летом 1937 года, когда большинство руководства НКВД было уже арестовано, я случайно встретил в одном из парижских кафе некоего Г., венгра по национальности, который был подпольным агентом зарубежного отдела НКВД и старинным приятелем Паукера. Полагая, что он недавно приехал из Москвы, и, надеясь узнать у него последние новости об арестах, я присел за его столик. «С Паукером все в порядке?» — пошутил я, даже и, не предполагая, что что-нибудь может тому грозить.

«Как ты можешь!» — воскликнул он, глубоко потрясенный, как будто я сказал что-либо кощунственное. «Паукер значит для Сталина гораздо больше, чем ты предполагаешь, он более чем друг... и более чем брат. Уж это-то я знаю», — сказал он с многозначительным ударением» (р.224, 352–353).

Паукер исчез во время многочисленных чисток 1937 года вместе с остальными. Если у Сталина и были с ним сексуальные отношения, он не был склонен к сентиментальному их восприятию. Сталин мог вообще не воспринимать их как гомосексуальную связь, если он, допустим, играл в них чисто «активную» роль (например, позволяя Паукеру делать минет).

На той же странице, где Орлов описывает рассказ Г. о гомосексуальности Сталина, он также цитирует сделанное Г. описание вечера, на котором Паукер изображал Григория Зиновьева перед расстрелом. Зиновьев падал на колени и обнимал ноги палачей: «Сталин наблюдал за каждым движением «Зиновьева» и громко хохотал. Заметив, что Сталину понравилась эта сцена, гости потребовали, чтобы Паукер повторил представление. Паукер повиновался. На этот раз Сталин смеялся так безудержно, что согнулся пополам и обеими руками держался за живот. А когда Паукер сымпровизировал и, вместо того чтобы упасть на колени, воздел руки к небу и воскликнул: «Услышь, Израиль, наш Бог — единственный Бог», Сталин больше не мог этого вынести и, задыхаясь от смеха, знаками велел Паукеру прекратить представление» (там же, 353).

Особенностью дорогого Иосифа Виссарионовича была любезность и обходительность, когда этого требовали не столько обстоятельства, на которые он, скорее всего, плевать хотел, а то чувство художественного гостеприимства, которые возникали по причине его кавказской национальности и Клим с удовольствием лицезрел, как и всегда по желанию Гомункула, некоторые индивидуальные картины Кремлевского бытия:

Когда в зал вошли физиолог Иван Павлов и химик Николай Зелинский, все, аплодируя им, встали... Сталин произнес тост: «За советскую науку». Павлов поклонился и выпил большую рюмку водки. Калинин попросил его сказать пару слов.

— Вчера я отпраздновал свое восьмидесятилетие,—

тихим голосом начал Павлов, но его прервала овация. Тост, поднятый за советскую науку, очень необходим. Я сейчас узнал, что

здесь присутствует Ягода. Мне бы хотелось посмотреть на это чудовище, которое давит науку нашей страны.

Никто не ожидал от Павлова такой смелости. В зале стало шумно. Сталин подошел к Павлову.

— Продолжайте, пожалуйста, Иван Петрович, мы вас слушаем, — сказал он спокойно.

— Несколько дней назад я работал в лаборатории вместе с американскими коллегами. Вдруг ввалились агенты ГПУ, забрали все бумаги со стола, нескольких моих ассистентов увезли на машинах. Мы старались выяснить, в чем дело, какова причина обыска и ареста, но не получили никакого ответа...

— Иван Петрович, — прервал Павлова Сталин, — даю вам слово, что ваши сотрудники будут освобождены и вернуться в институт. Товарищ Ягода будет наказан. — Потом обратился к Калинин: — Михаил Иванович, вы назначаетесь председателем комиссии по расследованию ареста сотрудников Ивана Петровича Павлова. Прошу вас досконально все изучить и освободить людей.

Лицемерный Калинин кивнул головой.

На этом банкете Сталин высказался публично еще раз:

— Пришло время притормозить органы ГПУ, которые чересчур много на себя взяли. Пора ими заняться. Как вы считаете, товарищи?

После этих слов все, аплодируя, поднялись. Здесь находились и будущие жертвы: Тухачевский, Гамарник, Фельдман, Егоров, Каменев, Ежов, Рыков, Бухарин, Агранов и многие, многие другие...

После банкета Валерия Барсова на своих коротеньких ножках направилась к сцене, петь. Несмотря на свои сорок лет, она прекрасно выглядела. Иосиф Виссарионович не сводил плотоядного взгляда с ее декольте. Потом конферансье торжественно объявил: «А сейчас выступит наша изумительная Кармен — Вера Давыдова!»

Ворошилов и Тухачевский преподнесли любовнице Сталина цветы. В полночь гости разошлись. И Ворошилов, и Тухачевский предложили Давыдовой место в машине. В их спор со смехом вмешался Сталин:

— Что это: два волка спорят из-за добычи? Учтите, на вашей дуэли секундантов не будет!

Наглядные картины для Климата множились. Он, конечно, понимал, что жизнь науки не определяется лишь противоборством героев и злодеев. В условиях существующей власти мудрого творца и учителя И.В. Сталина не могло быть даже и намёка на явное сопротивление гению партии Маркса-Энгельса – Ленина – Сталина, если сам великий Сталин прилюдно обращал внимание на «отвратительное поведение» Крупской, делавшей свои замечания. Он открыто вещал об этом: «Если Крупская пользуется одним унитазом с Лениным, то это не даёт ей права критиковать нашу партию». Когда любимец Сталина Чкалов, настолько любимец, что ему было позволено обращаться к самому Сталину по имени, когда этот любимец отказался от назначения министром МВД страны по предложению дорогого Иосифа Виссарионовича, то и погиб в «случайной» авиационной катастрофе. Нет, и не могло, быть таких героев в стране Советов, которые могли обойтись без благословения Геня Сталина.

Только конформист-приспособленец имел право на жизнь и утверждение своих научно – технических, литературных, новаторских идей при Сталине, а это означало продолжение мысли гения Ленина относительно скудоумости интеллигенции вообще, и науки в частности. Ленин не мог простить либералам «охмурения» своего родного брата Александра, который не пошёл на конформизм и соглашательство с властью Александра Третьего и был повешен решением Суда Империи. Мудрый Сталин от всех форм живой интеллектуальной собственности требовал, по крайней мере, конформизма, т.е. соглашательства без всяких «принципов и оговорок».

Выдающимися конформистами были президент Академии наук А. Н. Несмеянов, академики С. Е. Северин и В. А. Энгельгардт. Участие конформистов трудна. Им приходится сотрудничать со злодеями и терпеть неодобрение современников. Да и грань между героизмом, конформизмом и злодейством тонка. И едва ли утешеньем им может быть сознание выполненного долга – спасенье тех, кого такой ценой удастся спасти, долга сохранения важного для всех нас «общего дела». Джордано Бруно не был конформистом.

«Николай Иванович Вавилов – биолог, автор выдающихся научных работ, академик Академии наук СССР, академик и президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), президент Всесоюзного Географического общества,

создатель и директор знаменитого Всесоюзного Института Растениеводства (ВИР), директор Института Генетики АН СССР, знаменитый путешественник и исследователь, член академий и научных обществ Чехословакии, Германии, Англии, Испании, США, Мексики, Болгарии, Индии, почетный президент 7-го Международного генетического конгресса 1938 г. в Эдинбурге, неотразимо обаятельный человек - был арестован 6 августа 1940 г. и, после многомесячных пыток, 9 июля 1941 г. приговорен к расстрелу. 26 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР отказал в просьбе о помиловании. Однако его не расстреляли. Он пробыл в камере смертников до конца июня 1942 г., когда смертную казнь ему заменили 20-летним тюремным заключением. 26 января 1943 г. Н.И.Вавилов умер от голода в Саратовской тюрьме. Сергей Иванович Вавилов - физик, автор выдающихся научных работ, академик Академии наук СССР, научный руководитель Государственного Научного Института (ГОИ), организатор и директор знаменитого Физического Института АН СССР (ФИАН), редактор научных журналов и популярных изданий, член Государственного Комитета Обороны (ГКО), неотразимо обаятельный человек, президент Академии наук СССР, умер на этом посту своей смертью 25 января 1951 г.».

Сведём ученых - интеллигентов всех мастей к простым исполнителям наших поручений, скромно оплачиваемых надсмотрщиков и будем оплачивать их труд не выше заработной платы рабочего или вообще не оплачивать, используя инструмент репрессии, как форму достижения покорности, а их соглашательская политика с политикой партии есть партийная наука, партийная литература, партийная жизнь в условиях, где «народ и партия едины». Вся буржуазная мораль и заключается в том, что последователи всей этой гнилой интеллигенции видят: »Расцвет российской науки, связанный с именами К. Ф. Кесслера, Г. Е. Щуровского, Великой княгини Елены Павловны, принца А. П. Ольденбургского, А. П. Богданова, генерала Шанявского, купца Х. С. Леденцова, сотен (по их мнению) выдающихся ученых —, а остановка расцвета де не переобучение их сознания в пролетарское, а репрессии, административный и идеологический пресс, завершившимися в 1940 г. арестом Н. И. Вавилова и смертью Н. К. Кольцова. Надежды на ослабление этого прессы после Победы в Великой Отечественной Войне не оправдались. Репрессии продолжились. Окончательный разгром биологии

произошел в августе 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ». Ох, уж эти Овны! Беда с ними, шалунами. И если бы не маршал Берия да генерал Судоплатов всем этим курчатовым, зельдовичам ой как долго бы пришлось ковать оружие, чтобы зачурбанить класс капитала. Куда нам без Понтекорво, Ферми, Фукса да Оппенгеймера. Ребята славные и помогли нам. За что им и низкий поклон. Правда, их не сумели репрессировать как всех этих туполевых, королевых, поликарповых, камковых, кутателадзе и прочих «овых». Приходилось подъезжать к ним на салазках буржуазного менталитета, втираться в доверие, поминая их всегда добрым словом, перевертывая вверх дном белое на черное, доходя до их сознания и ушей милыми байками льстивого подвывания, взывая к долгу честных людей, тем самым, обращаясь в ту ипостась, которая и была на суде в личине Александра Ильича Ульянова. Интеллигент оставался самим собой.

Он не изменялся в поколениях и не был конформистом.

Опять же Хейфец познакомился с молодым Бруно Понтекорво, тогда студентом, учившимся в Риме. Хейфец рекомендовал Понтекорво связаться с Фредериком Жолио-Кюри, выдающимся французским физиком, близким к руководству компартии Франции. В дальнейшем именно Понтекорво стал тем каналом, через который в СССР поступали американские атомные секреты от Энрико Ферми.

«Хейфец некоторое время работал секретарем Крупской. Его

Хейфец вращался в различных кругах Сан-Франциско, пользовался большим уважением коммунистов и левых (они называли его «мистер Браун»). Опекаемый им светский салон госпожи Брамсон часто посещали нелегально состоявшие в компартии США Роберт Оппенгеймер и его брат Фрэнк. Хейфец рассказывал мне, что дважды встречался с Оппенгеймером и его женой на коктейле. К тому времени до Хейфеца уже доходили слухи о начале работ над сверхбомбой, но Москва все еще сомневалась в важности и неотложности атомной проблемы.

Тогда же Хейфец сообщил, что Оппенгеймер упомянул о секретном письме Альберта Эйнштейна президенту Рузвельту в 1939 году, в котором обращал его внимание на необходимость исследований для создания нового оружия в связи с угрозой фашизма».

Опытный профессионал Хейфец прекрасно знал, как расположить к себе Оппенгеймера. Не могло быть и речи о том, чтобы предложить ему деньги, прибегнуть к угрозам или шантажу с ис-

пользованием компрометирующих материалов. Благодаря личному обаянию он установил доверительные отношения с Оппенгеймером через его брата Франка, обсуждая сложную ситуацию в связи с нападением японцев на Перл-Харбор и нависшую над миром угрозу фашизма. Ленинский принцип: «Доверяй, но проверяй!» был использован вполне, когда для анализа данных Хейфица привлекли Семенова.

«Семенов пришел в органы госбезопасности в 1937 году. Он один из немногих имел высшее техническое образование, и его послали учиться в США, в Массачусетский технологический институт, чтобы в дальнейшем использовать по линии научно-технической разведки. Он эффективно действовал как оперативный сотрудник под прямым руководством Овакимяна, который работал под прикрытием советской внешнеторговой фирмы «Амторг» в Нью-Йорке. Именно Семенову и его помощнику Курнакову удалось установить прочные контакты с близкими к Оппенгеймеру физиками из Лос-Аламоса, работавшими в 20-30-х годах в Советском Союзе и имевшими связи в русской и антифашистской эмиграции в США. Так стал регулярно действовать главный канал поступления информации по атомной бомбе. Это Семенов привлек к сотрудничеству супругов Коэнов, выполнявших роль курьеров. Лона Коэн передала нам в 1945 году важнейшие научные материалы по конструкции атомной бомбы.

Семенов, используя свои связи в Массачусетском технологическом институте, определил, кто из видных ученых участвует в так называемом Манхэттенском проекте по созданию атомной бомбы, и независимо от Хейфеца сообщил весной 1942 года, что не только ученые, но и американское правительство проявляют серьезный интерес к этой проблеме. Семенов сообщал также, что в проекте участвует известный специалист по взрывчатым веществам Кистяковский, украинец по национальности.

Было дано указание использовать агентуру среди русских эмигрантов для обеспечения подходов к Кистяковскому. Однако два наших важных агента в США – бывший генерал царской армии Яхонтов, женатый на сестре жены наркома госбезопасности СССР Меркулова, эмигрировавший в США после гражданской войны, и Сергей Курнаков, ветеран операций ГПУ по эмиграции в США, не смогли привлечь Кистяковского.

На связи у Семенова некоторое время находились супруги Юлиус и Этель Розенберги. Научно-техническая информация Розенбергов не имела существенного значения, – они со своими родственниками были подстраховочным звеном, далеким от основных операций. Позднее арест и суд над ними привлек внимание всего мира.

Семенову принадлежит, пожалуй, основная роль в создании канала поступления разведывательной информации по атомной бомбе, через который в 1941-1945 годах был получен, как пишет Терлецкий в своих воспоминаниях, секретные американские отчеты, а также английские материалы с описанием основных экспериментов по определению параметров ядерных реакций, реакторов, различных типов урановых котлов, диффузионных разделительных установок, дневниковые записи по испытаниям атомной бомбы и тому подобное. В марте 1942 года Маклин предоставил СССР документальные данные об интенсивной работе по атомной проблеме в Англии. В том же году советская военная разведка привлекла к сотрудничеству Фукса. Детальный доклад Фукса («Чарльз») был доставлен диппочтой после того, как он встретился 19 сентября со своим курьером Гарри Голдом. Доклад содержал тридцать три страницы текста с описанием конструкции атомной бомбы. Позднее мы получили дополнительное сообщение по устройству атомной бомбы через каналы связи от Холла («Млад»), которое передала Лона Коэн. В материалах содержалось подробное изложение главы доклада правительству и Конгрессу США по устройству атомной бомбы, которая по соображениям секретности была опущена в официальной публикации, – докладе комиссии Смита, опубликованном 12 августа 1945 года. Оппенгеймер и генерал Гровс редактировали этот доклад. Фукс сообщил, что Оппенгеймер отказался подписать доклад, опубликованный комиссией, поскольку, как он считал, в нем была дезинформация, направленная на то, чтобы задержать атомные исследования в других странах.

Среди материалов, которые были получены в сентябре-октябре 1945 года, были некоторые разделы доклада, не попавшие в отчет комиссии Смита и фотографии помещений заводов в Ок-Ридже. Они были особенно ценными, поскольку в СССР также приступили к строительству предприятий и форсировали работы по созданию первого атомного реактора. Двенадцатистраничная справка-доклад,

составленная Семеновым, по устройству атомной бомбы была направлена Берии и Сталину. Этот документ фактически лег в основу программы всех работ на следующие 3–4 года». Так бесславно закончились философские установки о бредовости буржуазной науки и с её эйнштейновскими завихрениями, в которых товарищ Невский, по убеждению Ильича, основательно разобрался и сделал долгосрочные прогнозы о гибели науки эксплуататорского класса отпускников империализма, в котором всегда было, есть и остается подозрение обмана масс, поскольку человек родился от обезьяны, но тут же её убил. Ведь если есть пролетариат, то буржуазия не нужна. Товарищ Сталин как верный ленинец это твердо знал и продолжал заветы Ильича. Отсюда полстраны за колючую проволоку.

А те, кто вещает, что наш дорогой товарищ Иосиф Виссарионович Сталин слишком круто обращался со своими предателями и предателями нашей Родины, пусть подумают о том, а зачем же они, хихикая на судебных процессах, где на них громы и молнии метал самый мудрый из мудрых юристов, образованнейший человек, академик, многие годы бывший ректором МГУ, товарищ Вышинский, который в своих пролетарских трудах по юриспруденции выдвинул тезис: «признание обвиняемого и есть доказательство его вины», разве обвиняемые не понимали, что они признали свою вину перед народом, разве после этого они не являются самыми лютыми врагами народа и пособниками зарубежных разведок и разве после таких гнусных деяний они не должны быть расстреляны. Против кого ополчились – против товарища Сталина, против народа, строящего новый Мир рабочих и крестьян, мир, завещанный нам Лениным, проводником и продолжателем дела которого является вождь и учитель товарищ Сталин! Всех расстрелять, всех их пособников сгноить в лагерях, пусть перевоспитываются в лагах и гулагах, отработывая свои иудины деньги, полученные от мракобесов капитализма. Туда, их туда. И вот уже в наше время копаются буквоеды в делах репрессированных и всё доказывают, что все эти бухарины, рыковы, гамарники, косиоры оболгали себя во время следствия. Разве такое возможно. Разве в нашей стране были пыточные, психушки и прочие методы, ослабляющие тело, магию человеческой мысли и письменных признаний, когда всенародная очевидность окончательного развития коммунизма открыта навсегда над общей

могилой буржуазии, а нашему человеку строителю социализма в отдельно взятой стороне становилось душно на душе от частых раздражений, исходящих от этих врагов народа. Народ надеется на срок ближайшего будущего, когда товарищ Сталин и все его сталинцы, наконец, уведут всех наших внутренних врагов народа, а заодно и буржуазию, в ту загробную жизнь, где сверху донизу все они допьют свою чашу предательства до дна, туда им скатертью дорога. Не становись поперек пути поезда, у которого в коммуне остановка, не становись поперек железной дороги имени верного сталинца Лазаря Моисеевича Когановича.

Лазарь Моисеевич Коганович, второе лицо в государстве после дорогого товарища Сталина. Председатель Президиума Верховного Совета. Человек, объединивший органы государственной безопасности в то, что позднее стало знаменитым КГБ. Человек, лично руководивший чистками, охватившими страну в тридцатые-сороковые годы. Человек, репрессировавший людей так, как никто до него. Человек, который лично повинен в смерти не менее 20 миллионов человек. Человек, под чьим руководством строилась это фантастическое московское метро, более двадцати лет носившее его имя. Предатели на земле ещё дышат, а вы коммунизм в словах ищите. За дело, товарищи...

Лазарь жадно, двумя руками, ухватил управление страной. События последующих лет превзошли даже самые смелые его мечты. Каганович установил в стране тотальный террор. Русские люди, ещё не оправившись, снова испытали на себе ужас «красного террора» Троцкого, но теперь в исполнении его наследника – Кагановича. Метод работы Лазаря был весьма простым. Он сидел за столом в своём кабинете и отдавал приказы, словно заказывал блюда в ресторане. Завтрак: Крестьянская проблема? - «Усилить голод. Со слать в Сибирь!» Обед: Политическая проблема? - «Расстрелять несогласных. Подозреваемых отправить в исправительные лагеря, которые исправляли только на тот свет». Ужин: Проблемы за границей? - «Усилить нашу деятельность!». Лубянка снова стала тюрьмой, из которой не возвращались. Эта борьба не на жизнь, а на смерть продолжалась до 1939 года, до того времени, как на горизонте забрезжила война с Гитлером. После этого всё моментально оборвалось и стихло, как в своё время и началось. Он уже добился положения, как никто другой. Он, как и в своё время, Троцкий,

управлял транспортным отделом ЦК, был председателем Центральной комиссии по проверке партийных рядов, возглавлял комиссию по подготовке Семнадцатого съезда партии. Когда Сталин поехал отдыхать на Чёрное море, именно Лазарь заместил его в Москве. Никто в стране не имел стольких доступов к партийному управлению как Лазарь Каганович. И он напористо продолжал расширять сферу своего влияния. Ничего не оставалось без его внимания. Он даже фальсифицировал результаты секретного голосования по выборам в Центральный Комитет, уничтожив около 300 бюллетеней, где Сталин был вычеркнут, потому что альтернативой Сталину на посту Генсека был не кто иной, как тогда ещё живой Киров, который уничтожал троцкистов с гораздо большей решимостью, чем сам Сталин.

Газеты были заполнены Лазарем Моисеевичем Кагановичем. Он был польщён, когда в очередной раз в «Нью-Йорк Таймс» о нём появилась длинная хвалебная статья:

«Репутация Лазаря Кагановича по завершению грандиозных проектов в России затмевает самого Сталина. Мистер Каганович - отец идеи машинно-тракторных станций, МТС, в которых верховодят коммунистические комиссары. Эти комиссары руководят коллективизированными крестьянами, стимулируя сельскохозяйственную продукцию, и консолидируют «сельскохозяйственную революцию». Кагановичу так же приписывают либерализацию литературы и искусства, которые произошли в Советской России за последние несколько лет. Он - председатель Моссовета, что является трудным постом, а также и членом Политбюро. Сейчас же он занимается возрождением железных дорог. Это задача многим оказалась не по зубам, однако, не таков мистер Каганович».

Ну и что, что при Сталине, миллионы людей были репрессированы, отправлены в лагеря, многие из них погибли. Ну и что? Зато мы впереди планеты всей. Если Сталин наслаждался интимными связями со своими любовницами в роскошных условиях, а заключенным он устроил совсем иную "частную жизнь, в ужасных условиях». Зато люди жили и другим не мешали жить. Рожали детей, и противозачаточные средства им были не нужны.

- Лариса? Где ты. Ее отправили в дальний ОЛП, тоже женский. Начальником там был один армейский капитан, из штрафников. Он

не пропускал ни одной бабы. Сидит себе в конторке и наблюдает из оконца. Увидит, какую помоложе, поманит пальцем:

- А ну подь сюда.

- Слушаюсь, гражданин начальник.

- Тебя как зовут?

- Воронкина, Зинаида.

Начальник задумается, повременит несколько, да где там, разве всех упомнишь.

- Зинаида, Зинаида... Ты у меня, кажется, на отметке не была, а?

- Да что вы, гражданин начальник, я только вчера прибыла.

- Тем более. Придешь ко мне после отбоя. Охране скажешь - я велел.

Их было у него в зоне более пятисот. Всех он, может, и не пере-пробовал, но старался. Его так и звали - "санпропускник".

Вот к этому капитану и попала бедная Зинаида, недоучившаяся школьница. Капитан, как у него заведено было, использовал Ирен. Она родила, ребенка отобрали, а её отправили с первым же этапом дальше.

У всех мамок детей отбирали, куда-то их девали. Из них выращивали государственных охранников-пограничников или конвоиров.

Женщина для них, что пыль дорожная. На волю вышла - один черт! Каждый норовит у тебя отнять что-нибудь. А что можно взять у бедной женщины? Сидят жирные коты в своих хоробах, твоя нужда, твоя беда им до фени.

Но самое худшее впереди. В лагере самое худшее всегда впереди. Через неделю-другую формируется этап на производственную колонну. Как откупиться, чем? Позади следственные тюрьмы, пытки, голод, многодневный этап. Теперь вот - колонна, каторжные работы на лесоповале, в котлованах, в каменных карьерах, на строительстве дороги. И трехъярусные нары в дырявых бараках, дикий произвол охраны, жестокие игры блатных девок. И вечно серое заполярное небо, серые бушлаты, серая баланда. И неотступные мысли о детях, оставленных на воле, о стариках...

Сколько их не вернулось с Печоры и с Воркуты, с Колымы, с Новой Земли? Сколько погибло на Волге, на Лене, на Сыр-Дарье? Пять миллионов, десять, пятнадцать?..

Среди них были "указницы"; осужденные по новому Указу за прогул на производстве, - они прибывали на пересылку тысячами. Еще больше попадало за мелкие хищения. Им давали - щедро, равномерно - по пять лет за початок кукурузы, принесенный с поля голодным детям, за горсть муки. В истребительные лагеря шли и шли зарешеченные эшелоны с женами и дочерьми "врагов народа".

Режим большинства северных лагерей был сознательно рассчитан на уничтожение заключенных. Сталин и его окружение не хотели, чтобы репрессированные возвращались, они должны были навсегда исчезнуть. В лагерях выдавался голодный паек для работающих по 10, 12, 14 и даже 16 часов. Заключенные выводились на работу в жестокий мороз. Бараки не отапливались как надо, одежда не просушивалась. Осенью держали на дожде и холоде промокших до костей людей до выполнения ими норм выработки, хотя эта норма не могла быть выполнена безнадежно истощенными людьми. Заключенные, одетые в тряпье, сильно обмораживались, много было больных, а их лечение было направлено на массовый "падеж".

С началом Отечественной войны рабочий день почти везде был увеличен, а голодный паек ещё более урезан. Из числа людей, арестованных и попавших в лагеря в 1937-1938 гг., вышло на свободу после 1956 года не более 10-15%.

17 февраля 1953 года Сталин в последний раз принял кого-нибудь. Это был индийский посол К.П.С. Менон. Индия только получила формальную независимость. Империалисты гнали Индию в контролировавшуюся американцами Организацию Стран Юго-Восточной Азии. Одна огромная Британская Индия была разбита на собственно Индию, два Пакистана, Непал, Бирму и так далее. Сталин как всегда поигрывал карандашом и блокнотом и делал небольшие рисунки. В этот день он рисовал волков в различных позах.

- Кто любит волков? – спросил посол Менон.
- Сталин простой, но умный человек. - Сказал Сталин - Когда волки на него нападают, то он не пытается учить их морали, а просто убивает их. Волки это знают и ведут себя соответственно.
- Откуда вы об этом знаете? – Спросил Менон. Сталин рассмеялся:
- Вот станьте, овцой – они тут же около вас появятся!

- Вы... Премьер... – овца?

Сталин продолжал смеяться.

- Не дайте себя обмануть, господин Посол! Когда будете уходить, внимательно посмотрите вокруг себя! Понимаете, о чём я говорю? Если волки показывают свои зубы, то они, в отличие от меня, не смеются!